

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА ★ МОСКВА.

Библиотека по вопросам международной политики.

Под редакцией Ф. Ротштейна.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Лемонн. Англо-французские отношения.

Шульце. Борьба за персидскую и месопотам. нефть.

ГОТОВЫ К ПЕЧАТИ:

Анжеран. Железо и франко-германские отношения.

Пинон, Шилер, Хассерт. Проливы. (Сборник).

Куске, Бенуа и др. Левый берег Рейна (Сборник).

Ф. Ротштейн. Англичане в Египте.

Перингоф и др. Французский финансовый капитал. (Сборник).

Пинон, Волос и др. Италия в европейской системе.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Оствальд и Губин. Япония. (Сборник).

Пулэй. Японский империализм.

Демонжон. Соед. Штаты и Япония.

Хасхаген. Очерки мировой политики, ч. I и II.

Юнг. Державы и арабы.

„ Месопотамия—страна будущего.

„ Малая Азия.

Руир. Англия и Средний Восток.

Степ Конов. Значение Индии для Англии.

Камбель. Китай.

Мерман-Кобленц. Багдадская жел. дорога.

Кьелен. Современные державы.

Дармштетер. Раздел Африки.

Дрио. История Оттоманской империи.

Н. ЛЕНИН и Г. ПЛЕХАНОВ

„Дом Плеханова“

ПРОТИВ

А. БОГДАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА ♦ МОСКВА ♦ 1923

„Дом Плеханова“

№ 2427

* *
* *

«Красная Новь» решила перепечатать старые статьи Плеханова (критикующие богдановский переход от марксизма к идеализму), и последнюю главу книги товарища Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», поскольку в условиях новой экономической политики неизбежны как возрождение различных идеалистических течений, так и попытки организации противореволюционных групп под флагом буржуазного идеализма.

Плеханов писал в своем предисловии к сборнику: «От обороны к нападению»: «Когда «от марксизма к идеализму» идут люди вроде г.г. С. Булгакова и П. Струве, то разве только слепой не увидит социологической «подоплеки» их идеалистических стремлений. Но над заменой материализма идеализмом усердно трудятся—и не только в России, но даже и за границей—многие из тех, практические стремления которых еще не лишены яркой классовой окраски. Иные из этих тружеников даже называют и искренно считают себя врагами буржуазии. Таковы у нас А. Богданов и А. Луначарский. Но о таких людях в лучшем случае можно сказать только то, что их сердца находятся в жестоком разладе с их головой: голова работает на пользу именно того класса, против которого возмущается сердце. Излишне доказывать, что хорошего в этом очень мало. Такие друзья как Богданов, Луначарский, Ан. Лабриола являются опасней врагов».

С того времени, когда это было написано, Луначарский сумел порвать с богдановской группой и во время революции вернуться в ряды большевистской партии. В отношении Богданова может быть применимо не только то, о чем

говорил Плеханов, не только то, что его «сердце находится в жестоком разладе с его головой», но и то, что Плеханов писал о Струве: «только слепой не увидит социологической «подопки» его идеалистических стремлений».

Богданов в начале 1909 года был исключен из состава редакции центрального органа партии «Пролетарий». В платформе 1909 г., выработанной Богдановым совместно с учениками Каприйской школы, имеются на лицо все элементы антипролетарской группировки под идеалистическим философским флагом: разговор о пролетарской культуре, как универсальном лекарстве от всех зол периода упадка, наряду с борьбой против партийных органов, использованием идей единства для раскола, прожектерством и вреднейшей лезтью рабочим.

После партийной конференции 1912 г. политический смысл богдановского идеализма стал еще ярче, — своим непризнанием партийной конференции 1912 г. Богданов протянул фактически руку ликвидаторам. Неудивительно, что «старый» большевик Богданов, начавший задолго до революции с идеалистической критики Маркса, кончает в 1917 г. решительным отрицанием нашей революции, как революции пролетарской. Для Богданова, сторонника Маха в философии, создателя доктрины «единой организационной науки», Октябрьская революция только рабоче-солдатский бунт, в котором рабочие отдали свою кровь, энергию, организации на услуги солдатской стихии, в котором рабочие лишь копировали в своей деятельности организацию полка, не только не привлекая крестьян в орбиту борьбы за социализм, а отдавая себя, как класс, на службу интересам солдатско-крестьянской стихии.

В 1917—1918 г.г. Богданов критиковал те прямые шаги к экспроприации капиталистов, которые предпринимала Советская власть, — как проявление солдатского бунта, а в 1922 г., когда рабочий класс России переменял свою тактику, заменил лобовой удар обходным движением, тот же Богданов, еще недавно объявивший большевистскую партию солдатской партией за ее решимость, последовательность и экспроприацию экспроприаторов, объявляет ту же коммунистическую партию буржуазной партией за то, что она отказывается бить в лоб, а ищет путей обхода в изменившихся условиях.

Новая экономическая политика является для Богданова лишь предлогом для изменения форм критики. Эти формы иные, сравнительно с 1917 г., но существо то же: критика Маркса под видом его «защиты», подмена Маркса Махом, идеалистическая философия, как прикрытие политической борьбы.

Богданов утверждает, что РКП ведет в настоящее время буржуазную политику. Он великодушно признает вынужденность этой буржуазной политики, для того, чтобы этим признанием сугубо подчеркнуть свою мысль. Он не может не признать того, что разруха уменьшается, что перелом, если не совсем произошел, то произойдет скоро. Но успех он приписывает обстановке, созданной «буржуазной политикой» нашей партии. Мы начнем подниматься по его мнению уже по мере того, насколько идет вперед развитие капитализма.

Совершенно так же ставит вопрос и «Социалистический Вестник» Мартова, Дана и Абрамовича. Классическая формулировка этого положения дается Абрамовичем в «Социалистическом Вестнике» (№№ 45—46) в статье, критикующей выступление т.т. Ленина и Троцкого на съезде Коминтерна. Абрамович утверждает: «государственное хозяйство чахнет, хиреет, умирает... Вся та сумма экономического улучшения и хозяйственного подъема, которая за последний год наблюдается в России, почти целиком относится за счет этих жалких 80 тысяч (рабочих арендных и частных предприятий. Я. Я.) и тридцати процентов (частной торговли по отношению к государственной. Я. Я.).

Экономическое возрождение России в настоящих условиях происходит и может происходить лишь вследствие и по мере перехода от обанкротившейся системы большевистского государственного хозяйства к хозяйству частному, т.е. по мере превращения 80 тысяч в 200 тысяч, 500 тысяч, 700 тысяч и т. д. и тридцати процентов (или ноль процентов во внешней торговле) в 50, 70, 80 процентов».

Мы не будем полемизировать с Абрамовичем. Речи Ленина и Троцкого на съезде Коминтерна разоблачали полностью эти меньшевистские идеи о превращении советского государства в буржуазное большевистскими руками. Укажем только на то, что эта мысль глубоко связана с меньшевистским взглядом на нашу революцию, как ре-

волюцию буржуазную. Ведь Богданов и Мартов еще много лет тому назад в хороших марксистских книгах читали о буржуазном характере русской революции. И как старым дипломатам язык служил для сокрытия мыслей, так и нашим нынешним противникам из лагеря разных родов социал-демократов «марксистский язык» служит для сокрытия собственных надежд на капиталистическую реставрацию и последующую тихую, постепенную, по лучшим меньшевистским рецептам, организуемую борьбу с капиталом.

Богданову ничего не говорит подъем нашего государственного хозяйства в период 1921—1922 года. От него он отделяется заявлением о буржуазной политике нашей партии, т. е. подменой успеха государственной промышленности в развитии капитализма. Конечно, для всякого коммуниста очевидно, что этот подъем *связан* с ростом крестьянского хозяйства, работой арендных предприятий и созданием торгового аппарата. Но только Богданов, которого в детстве мамка ушибла на «организационной интеллигенции» или Мартовы, не умевшие за все время своего возглавления меньшевистских организаций быть чем бы то ни было другим, кроме плакальчиков пролетариата, могут поставить знак равенства между работой государственных предприятий на капиталистических основах в советской стране и переходом государственной промышленности в руки частного капитала.

Богданову, готовому любую мысль прикрыть именем Маркса, ничего не говорит и сам Маркс, в критике Готской программы дающий блестящую формулировку экономических отношений в переходный к социализму период в обществе, носящем решительно во всех отношениях—экономическом, моральном и умственном—резкий отпечаток отличительных свойств старого общества, из недр которого оно появилось на свет. Что за дело Богданову до того, что Маркс полстолетия назад умел отличать коммунистическое общество, которое только что вышло из «капиталистического общества», от коммунистического общества, которое развивалось на собственных своих основах.

В этом непонимании природы переходного к социализму периода, диктатуры пролетариата, коренная политическая ошибка Богданова. Мечтая о действительной «подлинной» революции для неопределенно отдаленного будущего, он ор-

ганизует борьбу против настоящей и в настоящем идущей революции со всеми ее ошибками и недостатками, открывшей эру непосредственной борьбы за социализм.

Товарищ Ленин в 1917 г. дал в брошюре «Государство и революция» блестящее объяснение необходимости такого переходного периода, разоблачив каутскианский взгляд на демократию, как непосредственное ренегатство. Богдановская теория представляет собой своеобразное видоизменение этой обычной каутскианской концепции. Пожалуй, ее своеобразие не столько в политических выводах, сколько в своеобразии той формы идеалистической философии, которой она сопровождается и прикрывается.

Богданов пытается организовать борьбу против коммунистической партии, используя идею пролетарской культуры и единой организационной науки. Он критикует позицию коммунистической партии и Советской власти в области культурного строительства как бы слева, в то же время организуя политическую борьбу против коммунистической партии справа с точки зрения капиталистов. Этого достаточно для того, чтобы оценить подлинное классовое содержание и политической и культурно-философской позиции Богданова.

«Нужно развивать новую культуру, потому что мешает нам бороться именно старая культура»,—говорил Богданов на собрании в Московском университете. Проводя резкую грань между культурой старой и культурой новой, он не пытается отделить точную науку от науки общественной. Между тем, без этого разделения немыслима правильная постановка культурной проблемы. Общественные науки исторически были связаны наиболее непосредственно с интересами капитала. Здесь буржуазные ученые уже давно потеряли силу и способность к подлинному научному мышлению. В этих областях знания, давно уже превращенных буржуазией в прямое орудие классовой борьбы, буржуазная наука, кроме накопления новых фактов, дает только попытки все нового и нового способа освящения и оправдания капиталистического строя.

В области политической экономии и философии пролетариат уже внес свое, продолжая и развивая дело политико-экономов и философов той эпохи, когда буржуазия была еще революционным классом. Русские и немецкие буржуазные политико-экономы и философы в после-

военный период, когда классовая борьба приняла наиболее четкие и откровенные формы гражданской войны, дали такой яркой пример прямого превращения буржуазной политической экономии и философии в орудие борьбы против рабочего класса, что тут не требуется никаких доказательств (Струве, Бердяев, Сорокин и т. д.).

Конечно, и в области естествознания, в особенности в странах, переживавших огромные революционные потрясения, в частности в той области естествознания, которая соприкасается с философией, увеличилось, по сравнению с тем временем, когда писал Ленин свою книгу, число ученых, пытающихся сочетать достижения науки с мистической болтовней о боге. В Германии, где буржуазия проявила огромную устойчивость в борьбе с рабочим классом, но где одновременно ей на ряде схваток пришлось уже почувствовать революционные возможности, заложенные в рабочих массах, где буржуазия находится одновременно под ударом империализма Антанты, и в России, где буржуазия, несмотря на чрезвычайно упорную борьбу за власть, потерпела поражение, неизбежно появление ученых, пытающихся и естествознание превратить в прямую служанку интересов буржуазии.

Уровень этих представителей науки может характеризовать одна цитата (тут достаточно только одной цитаты, из модного русского ученого Берга). Берг пишет в своей «Теории эволюции», изданной в Петербурге в 1922 году: «теория Дарвина задается целью объяснить механическое происхождение целесообразности в организмах. Мы же считаем способность к целесообразным функциям за основное свойство организма. Выяснить происхождение целесообразности приходится не эволюционному учению, а той дисциплине, которая берется рассуждать о происхождении живого. Вопрос этот по нашему убеждению метафизический. Жизнь, воля, душа, абсолютная истина—все это вещи трансцендентные, познание сущности коих наука дать не в состоянии».

Но мы бы проявили величайшую тупость и близорукость, если бы сделали то, против чего предостерегает Ленин в своей книге, и из-за буржуазных кликуш, громче других кричащих, проглядели бы ту огромную работу в области естествознания, которая идет вопреки часто непосред-

ственным сегодняшним интересам той или иной буржуазной группы. Как это было в те дни, когда Ленин писал свою книгу, так и теперь имеются огромные группы ученых, подлинных материалистов по тому делу, которое они делают (при чем одновременно они за величайшее оскорбление сочтут, если вы назовете их материалистами). Они—«бессознательные материалисты». Физик Томсон—верующий человек, материалистически объясняющий вопросы, связанные с теорией относительности. Зоолог Ланкастер (Англия) ярко, пламенно борется с антидарвинистами. Биолог Платте (Германия)—талантливейший из новейших дарвинистов. Физиологи Бейлис и Старлинг (Англия)—творцы учения о железах внутренней секреции. Физик и химик Содди (Англия)—создавший науку о разрушении атома. В России хотя бы Бах, химик, изучающий токсины с химической точки зрения, т.-е. пытающийся химией объяснить биологические процессы, и известный академик Павлов. Мы не были бы частью класса, которому принадлежит будущее, который в непосредственной борьбе строит социализм, если бы за Бергами и Струве с одной стороны и за идеалистической, в Махе рожденной, болтовней о единой пролетарской науке проглядели бы ту огромную область точных наук, ту огромную работу десятков и сотен тысяч в лабораториях университетских и заводских, в клиниках и непосредственно в производстве, вне усвоения которой нет у рабочего класса пути к культурному подъему, а следовательно, и к социализму.

Конечно, это различие между точными и общественными науками не случайно. Это различие вытекает из их содержания, из условий их развития. Развитие точной науки находится в теснейшей связи с тем огромным развитием производительных сил, которые, непрерывно возрастая, к концу XIX и началу XX столетия вступают в решительное противоречие с капиталистическими методами присвоения. Точные науки являются «буржуазными» науками в меру того, что они представляют собой продукт развития капитализма. Но ведь в той же мере буржуазен и рабочий класс, рожденный развитием капиталистического способа производства. Связь науки с производительными силами капиталистического общества, а в конечном счете с техникой на высших ступенях капиталистического развития, с ростом дифференциации наук, даже более легко

прошупывается, чем в начальные периоды капиталистического развития.

Состав ученых и техников, обслуживающих науку, неразрывно связывается с жизнью определенных отраслей производства. Прогресс соответствующих наук наглядно связывается с ростом соответствующих отраслей промышленности. С этим связан огромный рост «техники науки», усложнения эксперимента. Лаборатории переходят из университетов на заводы. Примером такой лаборатории может быть хотя бы лаборатория Американской Всеобщей Кампании Электричества, из которой вышел ряд важнейших изобретений. Из этой лаборатории, носящей сугубо практический характер, обслуживающей гигантские предприятия, вышел ряд формально совершенно теоретических исследований в области молекулярной физики. Одно из важнейших открытий последних лет (конец 1917 года) по электротехнике—обнаружение протяжения между двумя пластинками, металлической и полупроводящей, когда к ним приложена разница потенциалов,— произведено инженером в лаборатории радио-телеграфного общества в Берлине. Там же разработано практическое применение этих явлений в телеграфии и телефонии.

Все это подтверждает сугубую правильность мыслей тов. Ленина, который, пятнадцать лет тому назад писал в своей книге о том, что весь махизм, разновидностью которого является богдановская философия, «борется с самого начала и до конца с «метафизикой естествознания», называя этим именем естественно-исторический материализм, т. е. стихийное, несознаваемое, неоформленное, философически бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемого нашим сознанием».

Тов. Ленин решительно разоблачает богдановцев, затуманивающих, или запутывающих неразрывную связь стихийного материализма естествоиспытателей с философским материализмом, как направлением, давным-давно известным и сотни раз подтвержденным Марксом и Энгельсом.

С того времени, как писал тов. Ленин, произошло одно огромное изменение всей постановки вопроса. Мы можем уже не только констатировать бессознательный материализм естествоиспытателей, но мы можем констатировать величайшей важности факт начавшегося усвоения авангардом ра-

бочего класса достижений естествознания. Тысячи рабфактовцев, а теперь уже студентов высших учебных заведений, изучают точную науку, тем самым превращая ее в орудие классовой борьбы пролетариата за социализм. Они своим классовым чутьем более правильно определяют позицию пролетариата в этом, огромной важности, вопросе, чем Богданов с его идеалистической философией. Они на деле подходят к изучению естествознания, которое создает прочную основу для научного материалистического мировоззрения вопреки всем модным течениям.

Конечно, в моде сейчас, в значительной степени уже не те «течения», какие были в моде 15 лет назад,—рядом с Богдановым, представляя собой иную форму по существу той же критики материализма, стоит Берг с его мистицизмом. Но, конечно, как и 15 лет тому назад возникновение очередной идеалистической теории не закрывало от Ленина того факта, что на деле весь новейший прогресс основывается на посылках материализма и что материалистические послылки не устранимы в естественно-научных исследованиях, так и теперь наша рабочая молодежь, вопреки богдановской болтовне о немедленном создании единой организационной якобы пролетарской науки, идет к усвоению естествознания во имя интересов рабочего класса, значит интересов социализма.

Цитата, которую на последних страницах своей книги приводит Ленин из Меринга, характеризует отношение Меринга к такому «естественно-историческому» материалисту, как Геккель, вся целиком направлена и против нынешних видоизменений старой богдановской позиции.

А в настоящих условиях марксистам, последовательным материалистам, тем более не приходится делать какие бы то ни было уступки «очередной модной идеалистической философии», что вопрос об отношении к философскому идеализму превратился в вопрос практической политики партии.

Мы—за движение вперед к социализму, мы—за практическую работу по осуществлению социализма. Для нас социализм—вопрос практического дела, работы сегодняшнего дня. Поэтому, мы восстанавливаем в этой книге взгляды Ленина и Плеханова на буржуазно-идеалистические построения Богданова перед лицом имеющего величайшее историческое значение движения авангарда рабочего класса к усвоению знаний и к превращению его из монополии бур-

жуазии, из орудия власти буржуазии в орудие и средство движения к социализму.

Товарищи, критикующие отношение тов. Ленина и Меринга к точной науке, не хотят вдуматься и понять диалектического характера культурного развития. Десятки и сотни тысяч представителей угнетенных классов России начали усвоение достижений точной буржуазной науки. С ростом производительных сил страны, с каждым действительным нашим шагом к социализму все новые сотни тысяч и миллионы будут втягиваться в дело усвоения «буржуазного знания».

Именно этот массовый культурный подъем, обучение миллионов грамоте, умению считать, а главное—умению аккуратно и добросовестно работать, открывает действительные, не выдуманные в кухне богдановской идеалистической философии ворота к созданию пролетарской культуры.

Один пример для пояснения этого. II Всероссийский Съезд Советов, установивший Советскую власть, принял буржуазный эс-эровский закон о земле. Этот закон представлял собою примерный наказ, разработанный партией мелкой буржуазии—социалистами-революционерами на основе наказов мелкой буржуазии—крестьян. В этом примерном наказе, в существе его, не было ничего социалистического. Он представлял собой лишь мыслимо точную формулировку идеалов мелкого крестьянства. Он по своему содержанию лежал еще в плоскости буржуазно-демократической революции. Но в условиях, когда у власти стал рабочий класс, в момент начала эры социалистической революции во всем капиталистическом мире, когда война ускорила постановку во всемирном масштабе вопроса о переходе власти к рабочему классу—рабочий класс, ставший у власти, приняв мелко-буржуазный закон о земле, одновременно открывал широчайшие двери осуществлению социализма.

Если в области техники возможна прямая замена орудий трехполья сложной электрической машиной, то в области культурной нельзя перескочить через неграмотность. Неграмотного нужно прежде всего научить грамоте; и одновременно рабочему авангарду нужно во все возрастающем количестве усваивать ту точную науку, которую буржуазия превращала в орудие своего господства.

В области культурной особенно четок и ясен процесс нарастания элементов буржуазной культуры в пролетарском государстве и перерастания буржуазной культуры в социалистическую в условиях, когда власть в руках рабочего класса. Этого последнего не может понять Богданов махист и решительный противник диалектики. А вне понимания этого нет правильного понимания хода борьбы за социализм в пролетарском государстве России.

Я. Я.